

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг.

И. ВЕЙСАЙТЕ

Великий немецкий поэт Генрих Гейне принимал горячее участие в социальной и политической борьбе своего времени. Он считал, что священный долг художника — не только вызывать эстетическое наслаждение, но прежде всего провозглашать передовые идеи своего времени, быть солдатом в «священной войне» за освобождение всего человечества. Этой идее поэт остался верен и в последние годы своей жизни, в период так называемой «матрачной могилы», 1848—1856 годы.

В зарубежном гейневедении XIX и XX вв. однако прочно укоренилось мнение, что в этот последний период жизни разочарованный и усталый поэт отрекся от своих революционных убеждений 1830—1840-ых годов, что он перестал быть писателем-борцом и обратился к религии, вернулся в лоно романтического искусства. Подобными утверждениями «благонамеренные» критики стремятся оправдать Гейне в глазах буржуазного читателя-мещанина. Современные реакционные исследователи доказывают даже, что поэт якобы с отвращением относился к коммунизму, к идее суверенитета народа. Они охотно ссылаются при этом на якобы резко отрицательное отношение Гейне к революции 1848 года.

В отношении Гейне к политике и религии действительно появились некоторые новые моменты, которые, однако, по существу не изменили его мировоззрения в целом. До конца жизни поэта волновали актуальные проблемы, продиктованные послереволюционной действительностью, а его творчество по-прежнему было пронизано ненавистью к юнкерской Пруссии, к отсталой феодальной Германии, к теотомании и к религиозному фанатизму, любовью к родине, к своему народу, к свободе и к искусству.

Рассмотрению вопроса об отношении Гейне к революции и к религии посвящена данная статья.

* * *

Проблема отношения Гейне к революции 1848—1849 годов мало разработана в советской критике, а в зарубежном гейневедении либо вообще игнорируется, либо освещается неверно. Обычно утверждается, что Гейне холодно встретил революцию, остался к ней равнодушен¹, что она вызвала в нем лишь негодование и возмущение². Для под-

¹ A. Strodttmann, *Heinrich Heines Leben und Werke*, Bd. 2, Berlin, 1869, I t. p. 521—525.

² L. Untermeyer, *Heinrich Heine, Paradox and poet*, London, 1938, p. 316—317. H. Lichtenberger, *Heinrich Heine als Denker*, Dresden, 1905, S. 252, 267. S. S. Prawer, *Heine, The tragic satirist*, Cambridge, 1961, p. 170.

тверждения этого факта ссылаются на болезнь поэта, на его разочарование в политической борьбе³ и т. п. Некоторые исследователи пытаются выдвинуть более конкретные причины, и даже такой крупнейший знаток Гейне, как Хирт, объясняет якобы враждебное отношение Гейне к республиканскому правительству во Франции личными симпатиями поэта к Луи-Филиппу, министрам Тьеру и Гизо⁴.

Несомненно, что реакция Гейне на революцию 1848 г. во многом отлична от восторженного восприятия им июльской революции 1830 г. Однако это еще не дает основания говорить о равнодушии поэта, о его отказе от революционной борьбы. Гейне встретил революцию 1848 г. сочувственно. Он пристально следил за развитием событий, но его отношение к ним было осложнено рядом мотивов как личного, так и мировоззренческого порядка. Чтобы правильно расценить реакцию Гейне на революцию 1848—1849-ых годов, необходимо прежде всего уяснить себе, каковы были настроения поэта накануне революции.

Первая половина 1840-ых годов — это период расцвета творчества Гейне, подготовленного всем ходом его развития в предыдущие годы и обусловленного революционным подъемом в Германии. В начале 1840-ых годов были написаны замечательные корреспонденции в аугсбургскую «Всеобщую газету» (1840—1843 гг.), составившие впоследствии книгу «Лютеция» (1854 г.). Гейне публицист дал в них блестящую характеристику положения Франции 1830—40-ых г., и, несмотря на элементы мелкобуржуазной ограниченности предсказывал, что будущее принадлежит пролетариату, коммунистам.

Огромное значение имел личный контакт поэта с Марксом в 1843—1845 годах. Гейне под непосредственным влиянием Маркса в 1844 году издал сборник «Новых стихотворений», где наряду с произведениями 1830 годов напечатаны лучшие из его «Современных стихотворений». Они поставили Гейне в первые ряды политических поэтов Германии. В 1844 г. Гейне увенчал свою политическую поэзию остро-сатирической поэмой «Германия. Зимняя сказка». Всё его творчество этих лет пронизано мыслью о неизбежной победе социальной революции. Именно это дало основание Энгельсу сказать в ноябре 1844 г., что «... Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех современных немецких поэтов, примкнул к нашим рядам и издал том политических стихов, куда вошли и некоторые стихотворения, проповедующие социализм»⁵. Начало 1840-ых годов — это период максимального приближения Гейне к точке зрения Маркса и Энгельса. И все же следует отметить, что поэт даже в этот период не сумел полностью преодолеть своих колебаний. Признавая закономерность победы пролетариата, он вместе с тем испытывал страх перед ней. Этот страх объяснялся непониманием характера пролетарской революции, убеждением, что господство коммунизма несовместимо с свободным развитием творческой индивидуальности. К этому вопросу нам еще придется вернуться в связи с религиозными воззрениями писателя.

В январе 1845 г. из Парижа были высланы Маркс и его друзья. Гейне избежал этой участи лишь благодаря особому закону, не раз-

³ M. Brod, Heinrich Heine, Austerdam, 1934, p. .; K. Lehrmann, Heinrich Heine. Kämpfer und Dichter, Bern, 1957, S. 176—179, 184 ff.; Д. Н. Овсянко-Куликовский, Поэзия Генриха Гейне. СПб., 1909, стр. 5 f. f.; O. Walzel, Einleitung, In: Heinrich Heine, Sämtliche Werke, hrsg. von O. Walzel, Bd. I, Leipzig, 1910, S. LIV—LV.

⁴ F. Hirth, Heinrich Heine und seine französischen Freunde, Mainz, 1949, S. 208.

⁵ Ф. Энгельс, Быстрые успехи коммунизма в Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-ое изд., т. II, стр. 521.

решавшему высылать за пределы Франции уроженцев Рейнской области⁶. В декабре 1844 г. умер дядя поэта, гамбургский миллионер Саломон Гейне, который долгие годы оказывал племяннику материальную поддержку и обещал ему пенсию после своей смерти. Однако в завещании дяди никаких распоряжений на этот счет не оказалось. Началась длительная, очень мучительная и унижительная для поэта тяжба с наследником дяди, двоюродным братом Карлом Гейне. В письмах Гейне 1845—1847 гг. преобладает тема наследства. Этот вопрос временами вытесняет все другие мысли, тормозит творческие замыслы, лишает поэта бодрости и даже обычного юмора. 31 октября 1845 года Гейне писал своему издателю Кампе: «Ах, дорогой друг, люди страшно виноваты передо мной, моему гению нанесено неслыханное оскорбление, я не могу больше скрывать от себя, как тяжело я ранен, и пройдут года, прежде чем снова забудет светлый источник прежнего юмора»⁷. Тяжба с Карлом Гейне закончилась в пользу поэта, но лишь в феврале 1847 года. К этому времени здоровье его было уже очень подорвано.

Болезнь Гейне неумолимо прогрессировала и тяжело отражалась на его настроении. В 1846 г. наступил частичный паралич. Гейне лишился возможности двигаться, то есть возможности непосредственного общения с друзьями. Уже 24 мая 1845 г. он писал Лаубе: «Я живу здесь совершенно изолированно»⁸. 3 января 1846 года он жаловался Фарнхагену фон Энзе: «Видите, дорогой друг, как смутно, как неясно у меня на душе. Однако эта меланхоличность вызвана главным образом моим нездоровьем. Если исчезнет тяжесть паралича, который железным обручем сковывает мне грудь, моя былая энергия тотчас же возродится»⁹.

Разительные изменения во внешности и отчасти в настроении поэта бросались в глаза всем его посетителям. В сентябре 1846 г. Энгельс, навещавший Гейне, писал о своем впечатлении: «Бедный парень ужасно осунулся. Он худ, как скелет. Размягчение мозга распространяется дальше, паралич лица также... Он, конечно, в немного угнетенном состоянии... Страшно мучительно наблюдать, как такой славный малый по частям отмирает»¹⁰. То же самое отмечал друг Гейне — немецкий писатель Лаубе — и другие посетители¹¹. А накануне революции, в январе 1848 г. Энгельс сообщил Марксу: «Гейне при смерти. Две недели тому назад я был у него, он лежал в постели... в крайне жалком состоянии. Он с трудом может сделать три шага, опираясь о стены...»¹² Все это свидетельствует о тяжелом физическом состоянии Гейне накануне революции 1848 г., но мировоззрение поэта остается без изменений. Любовью к жизни пронизаны его танцевальные поэмы «Богиня Диана» и «Доктор Фауст» (1846—1847). В предисловии

⁶ F. Hirth, Heinrich Heine, Bausteine zu einer Biographie, Mainz, 1950, S. 120.

⁷ Г. Гейне, Собрание сочинений в десяти томах, т. 10, ГИХЛ 1956—1959, стр. 187. В данной статье произведения Гейне в русском переводе будут цитироваться по этому изданию: собр. соч., том, стр.

⁸ H. Heine, Briefe, hrsg. von F. Hirth, Bd. III, Mainz, 1951, S. 25. В дальнейшем письма Гейне будут цитироваться по этому изданию: Briefe, том, стр.

⁹ Собр. соч., т. 10, стр. 192.

¹⁰ Ф. Энгельс, Брюссельскому коммунистическому комитету сношений, 16 сентября 1846, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 36.

¹¹ H. Houben, Gespräche mit Heine, 2 Aufl. Potsdam, 1948.

¹² S. 602, 547, 607, 572—573, 627 и др. В дальнейшем беседы Гейне цитируются по этому изданию: Gespräche, стр. Ф. Энгельс, Письмо К. Марксу от 14 января 1848 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 92.

к поэме «Атта Тролль» (1846) он подчеркивает, что по-прежнему делом своей жизни считает борьбу за «драгоценные завоевания человечества»¹³, то есть за его социальное и политическое раскрепощение.

Образно и четко рисует свое состояние накануне революции в письме к Фарнгагену от 3 января 1846 г.: «Да, телом я очень болен, но душа почти здорова. Она поникла, как усталый цветок, но все еще не увяла и крепко вросла корнями в истину и любовь»¹⁴.

Таким образом нет оснований считать, что накануне революции 1848 года изменились взгляды поэта, его отношение к жизни и к творчеству.

Вопрос об отношении Гейне к революции 1848 года можно решить лишь рассматривая его высказывания о ней в разное время: в самом начале революции, через несколько месяцев после революции и особенно после ее окончательного поражения.

В феврале 1848 г., когда грянула революция во Франции, Гейне находился в больнице. Его состояние было очень тяжелым. О непосредственном участии в событиях не могло быть и речи, но он приветствовал революцию и страдал от невозможности активно действовать. 14 марта 1848 года его посетила немецкая либеральная писательница Фанни Левальд и рассказывала, с каким интересом Гейне следил за происходящим. Она приводит слова поэта: «Вы не знаете, что это означает переживать революцию в моем состоянии. Я должен бы быть мертвым или здоровым»¹⁵. Несмотря на чрезвычайно тяжелое состояние здоровья Гейне в марте начал посылать корреспонденции о Февральской революции в аугсбургскую «Всеобщую газету»¹⁶. Коротенькие заметки от 3, 10, 14 и 22 марта красноречиво свидетельствуют о первой реакции писателя на революционные события¹⁷.

Начало первой статьи от 3 марта 1848 г. написано в свойственном Гейне насмешливым, ироническом тоне, и направлена эта ирония против косной Германии, которую страшат звуки революционных песен. Немецким шовинистическим гимнам („Üb du nur Treu und Redlichkeit“, „Heil dir im Siegerkranz“) Гейне противопоставляет марсельезу, перед которой не может устоять сам поэт и перед которой, как он надеется, не устоит также Германия¹⁸, он одобрительно отзываясь о временном французском правительстве¹⁹. Настроение поэта поднимается в связи с известием о «чудо-революциях» на берегах Дуная и Шпрея²⁰. Особо подчеркивает Гейне героизм народа, парижских рабочих, которые мужественно сражались на баррикадах не ради пошлой наживы, а ради идеи²¹.

Несмотря на всё это, нельзя не почувствовать в тоне статей о Февральской революции, некоторую настороженность автора. Бросается в глаза отсутствие той восторженности, с какой он приветствовал

¹³ Собр. соч., т. 2, стр. 183.

¹⁴ Собр. соч., т. 10, стр. 192.

¹⁵ F. Lewald, Erinnerungen aus dem Jahre 1848, Bd. I, Braunschweig, 1850, S. 104.

¹⁶ Вторая статья, помеченная 10-го марта в рукописи содержит приписку к редактору Кольбу: «Дорогой Кольб. Я больше ничего не вижу и не могу сделать даже двух шагов. Ваш бедный друг Г. Гейне», Heinrich Heine, Sämtliche Werke, Hrsg. von Dr. E. Elster, 7 Bd. Leipzig und Wien, стр. 607. В дальнейшем сочинения Гейне будут цитироваться по этому изданию: том, стр.

¹⁷ В начале появилась лишь первая статья о Февральской революции от 3 марта 1848 г. Остальные были запрещены цензурой и напечатаны посмертно.

¹⁸ VII, 377.

¹⁹ VII, 380—382.

²⁰ VII, 383.

²¹ VII, 378—379.

Июльскую революцию 1830 г. в «Письмах из Гельгоlanda». Теперь он занимает позицию объективного наблюдателя, как бы следит за театральным зрелищем, в развязке которого он не уверен. Это вероятно вызвано опасением Гейне, что Февральская революция может повторить печальный опыт Июльской, оказаться ее вторым действием. Гейне не полностью доверяет временному правительству, он предполагает, что Февральская революция изменила лишь форму, но не сущность правления. С легкой насмешкой говорит он о знаменитом циркуляре Ламартина по вопросу о мирных взаимоотношениях монархии и республики²². Впоследствии Гейне в «Признаниях» будет открыто издеваться над этим циркуляром. В статьях о Февральской революции приглушенно звучит также мысль, высказывавшаяся уже в начале 40-х годов в книге «Людвиг Бёрне» и в статьях «Лютеции», мысль о том, что власть республиканцев приведет к господству, посредственности, к нивелировке человеческой личности. «Подлинно демократическое правительство должно декларировать не только свободу печати, но также равенство стили»²³ — иронически замечает Гейне. Подобного рода высказывания свидетельствуют о непонимании сущности демократии, о мелкобуржуазном страхе Гейне перед господством народных масс, страхе, который не будет изжит им до конца его жизни. Однако, относятся эти опасения не к самой революции как средству переустройства общества, а к ее результатам.

В конце марта 1848 г. отношение Гейне к Февральской революции резко меняется. В письме к матери от 30 марта, на которое так любят ссылаться буржуазные исследователи, Гейне называет революцию уже не «представлением» („Stück“), а презрительно «зрелищем» („Spektakel“), в его словах впервые звучит горечь и разочарование: «Зрелище это изнурило меня физически и морально. Я так подавлен, как еще никогда не был. Хочу жить теперь совершенно спокойно и ни о чем больше не тревожиться. Здесь сейчас царит невероятное убожество! Теперь удел всего мира — свобода и банкротство»²⁴. Причины своего разочарования Гейне раскрывает в письме к другу — молодому немецкому писателю А. Мейснеру: «Вы легко можете себе представить, что я пережил во время переворота, — я видел его собственными глазами. Вы знаете, я не был республиканцем, и вас не удивит, что я все еще не сделался им. Теперешние деяния и чаяния, волнующие мир, мне чужды... Вас не должно удивить, что на миг я был страшно взволнован, и у меня словно холодные мурашки пробежали по спине и рукам. Это прошло»²⁵. Из этих слов явствует, что революция вначале взбудоражила Гейне. Однако надежды его не оправдались. Раньше, чем многие его французские современники (Жорж Санд, Даниель Стерн, Эжен Сю и др.), он понял сущность происшедшего. Свержение монархии и провозглашение республики не обманули его. Гейне сумел правильно оценить мартовские события. Совершенно ясно он говорил об этом весной 1849 г. в беседе с А. Мейснером: «Республика — это не что иное, как смена имен, революционный титул. Как могло так быстро измениться это продажное, мягкотелое общество? Имя для меня ничего не значит... Откажитесь от республики, потому что нет

²² VII, 380.

²³ VII, 382.

²⁴ Собр. соч., т. 10, стр. 217—218. Желание Гейне уйти от жизни было лишь минутным настроением, осталось фразой и никогда не было осуществлено поэтом. 27 мая 1848 г. Гейне опять писал матери, что если бы был здоров, то бросился бы в водоворот событий (там же стр. 222).

²⁵ Собр. соч., т. 10, стр. 219.

республиканцев»²⁶. Таким образом, уже в апреле—мае 1848 г. наступило разочарование Гейне в результатах Февральской революции. 15 мая он просит редактора аугсбургской «Всеобщей газеты» вернуть ему ненапечатанные статьи о революции, так как «...События опередили их, и они не имеют больше никакого значения»²⁷. Такие определения революции, как „Weltrevolutionsgepolter“²⁸ — до июньских событий, и „Universalanarchie“, „Weltkuddelmuddel“, „sichtbar gewordener Götterwahnsinn“²⁹ — после июня 1848 года, на которые так охотно ссылаются буржуазные историки литературы, означает не ненависть Гейне к революции вообще, а лишь разочарование в результатах революции 1848 года. Определения эти различны по своему характеру. Слово „Gepolter“ (грохот) в сочетании с мировой революцией („Weltrevolution“) — издевка поэта над пустыми, лишенными конкретного содержания папыщенными фразами республиканцев. Иной смысл вложен в определение «универсальной анархии» („Universalanarchie“). Тут безусловно сказано усугубленный июньскими событиями мелкобуржуазный страх перед господством народа.

Наиболее исчерпывающую и резкую характеристику как результатов революции 1848—1849 годов, так и деятельности временного правительства и отдельных его членов Гейне дает в «Признаниях», в отрывке, получившем название «Ватерлоо» и напечатанном лишь посмертно³⁰. Гейне здесь прямо говорит, что Февральская революция оказалась «прискорбным событием, которое принесло миру несказанно много несчастий»³¹. И вместе с тем Гейне нигде не возражает против революции как таковой. Он даже признает, что революция усугубила национальное самосознание французов и принесла чувство удовлетворения демократам³². Однако это удовлетворение быстро сменилось разочарованием; в этом повинны были, по мнению Гейне, те «вероломные уполномоченные народа, которые из-за своей неумелости, трусости или двойной игры обрекли на провал великий акт народного суверенитета»³³. Таким образом Гейне выражает сожаление по поводу неудавшейся революции и далее высказывает очень важное для понимания его взглядов предположение: «Для нас было бы лучше, если бы мы попали в руки решительных злодеев, которые действовали бы энергично и последовательно и может быть пролили бы много крови, но сделали бы что-нибудь важное для своего народа»³⁴. Эти слова, сказанные уже после длительных размышлений, не оставляют никаких сомнений в том, что поэт до конца верил в революцию и считал необходимым насильственное преобразование старого мира. Недоумение здесь может вызвать лишь слово «злодей» („Bösewichter“), которым Гейне обозначает подлинных революционеров, противопоставляя их деятелям временного правительства. Оно объясняется тем субъективным страхом, который Гейне испытывал перед социальной революцией, о чем уже говорилось выше.

²⁶ Gespräche, 691—692. Следует отметить, что Гейне не всегда был последователен в своих политических взглядах, в особенности по вопросам монархии и республики. Однако более подробное рассмотрение этих вопросов не входит в задачи данной статьи.

²⁷ Собр. соч., т. 10, стр. 221.

²⁸ Briefe, III, 145.

²⁹ Briefe, III, 151.

³⁰ VII, 538—544.

³¹ VI, 540.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Ни весной 1848 г., ни позже Гейне не изменил своих взглядов на революцию. В письмах последних лет он неоднократно подчеркивал: «Я никогда не менял своих мыслей,— следовательно и после Февральской революции мне нечего менять в моих книгах»³⁵. Именно поэтому следует четко разграничивать вопрос об отношении Гейне к революции как таковой от вопроса об отношении его к Февральской революции и последующим событиям вплоть до государственного переворота 2-го декабря 1851 года.

Потеряв интерес к событиям во Франции, в которых он усматривал лишь игру с переодеванием, Гейне с удвоенным вниманием продолжал следить за революционными событиями в Германии. Весной 1851 г. он говорил в беседе с Рольфом: «Положение во Франции меня лишь забавляет, интерес же я испытываю только к событиям в Германии»³⁶. Совершенно неправы поэтому те исследователи, которые подчеркивают якобы полную оторванность больного поэта от жизни на родине. Посетив его весной 1849 г., Мейснер писал: «Гейне пристально („Schritt für Schritt“) следит за событиями в Германии»³⁷. Гейне получал информацию через „Journal des Débats“, читателем которого он был до конца жизни, через „Revue des deux mondes“, немецкие газеты, а также из непосредственного общения с знакомыми из Германии³⁸.

Уже в четвертой статье о Февральской революции от 22 марта 1848 г. сказывается глубокое волнение поэта по поводу событий в Австрии, Германии, Венгрии³⁹. Ведь пробудить Германию от вековой спячки было делом всей его жизни. Фанни Левальд, посетившая Гейне 14 и 22 марта 1848 г. писала, что он «...выразил самые теплые надежды относительно Германии и одновременно шутил, как удивятся и испугаются немцы, если они когда-либо станут свободными»⁴⁰. Племянница поэта Мария Эмбден рассказывает, что в конце марта Гейне очень тяжело реагировал на то, что не может участвовать в революции на своей родине⁴¹. 29 августа 1848 г., в письме к французскому издателю Дюбоше Гейне писал: «Новости с родины усугубляют мои мучения. Сейчас, когда я должен с наибольшей активностью выполнять дело всей моей жизни, я приговорен к неподвижности, я даже не могу ответить на вопль друзей, которые просят у меня простой поддержки. В Германии взяли верх наши враги»⁴². В этом письме ясно звучит как горячее сочувствие Гейне к революции в Германии, так и страстное его желание активно участвовать в ней. Известно, что 24 апреля 1848 г. Маркс пригласил Гейне через доктора Эвербека сотрудничать в «Новой Рейнской газете». Поэт дал свое согласие⁴³, но из-за болезни не смог выполнить взятых на себя обязательств. Не сохранилось никаких данных о том, что Гейне получал приглашение сотрудничать в каких-либо других немецких газетах или журналах того времени. Поэтому вполне вероятно, что своими друзьями он называл именно Маркса и его соратников. Следовательно, можно предположить, что никакого принципиального разрыва в августе 1848 года между Гейне и его друзьями первой половины 1840 годов не было.

³⁵ Письмо к Ю. Кампе от 26 апреля 1848 г. Собр. соч., т. 10, стр. 220.

³⁶ Gespräche, 853.

³⁷ A. Meissner, Revolutionäre Studien aus Paris, Bd. I, Frankfurt a. M., 1849, S. 195.

³⁸ См. письма и беседы Гейне.

³⁹ VII, 383—385.

⁴⁰ F. Lewald, Erinnerungen aus dem Jahre 1848, Bd., I, Braunschweig, 1850, S. 104—105, 208.

⁴¹ Gespräche, 663.

⁴² Собр. соч., т. 10, стр. 232—233.

⁴³ Walther Victor, Marx und Heine, Berlin, 1953, S. 103.

Далее это письмо показывает, как Гейне расценивал революцию в Германии: уже летом 1848 года он считал ее поражение неизбежным. 19 октября поэт с чувством отчаяния писал матери об ужасающих событиях в Вене⁴⁴. 3 декабря того же года он писал брату Максимилиану: «События в Германии скверно влияют на мое душевное состояние. Какая жалкая глупость»⁴⁵.

У него не было и не могло быть никаких иллюзий по поводу «дарованной» народу прусским королем конституции: «...Король, правда, даровал отличную конституцию; к ней, однако, чувствуется некоторое отвращение, похожее на недоверие, которое нам внушает самое большое пирожное, если мы вспомним о том, что в него может быть подмешано немного яда, чучотку прусской зелени»⁴⁶. Не было у него также никаких иллюзий насчет франкфуртского парламента. В сентябре—октябре 1850 г. Гейне говорил в беседе с немецким писателем А. Штаром: «Должна быть написана история этого парламента... разумеется, в одном томе, коротко! Это ведь самый превосходный материал из всех имеющихся. Все как бы предназначено для произведения искусства: единство времени, места и глупости! Какой звериный собрался в этой церкви св. Павла!»⁴⁷ Как известно, Гейне широко использовал этот благодарный материал в своих политических сатирах «Кобес I», «Ослы — избиратели» и других.

О политической страстности и активности Гейне, о том, что он не изменил своим революционным убеждениям после разочарования в событиях 1848—1849 годов свидетельствует в большой мере и его переписка с Г. Лаубе по поводу книги последнего «Первый немецкий парламента», которую он прочел весной 1850 года.

Книга Лаубе — это подробнейший трехтомный отчет о деятельности франкфуртского парламента. Она содержит большой фактический материал, много документов, непосредственных наблюдений писателя. Но важно, что Гейне не соглашался с оценкой событий, данной в книге Лаубе. Не соглашался он прежде всего с тем, что Лаубе стремился полностью отделить путь Германии от революционного пути Франции. Лаубе ставил акцент не на борьбе за политическое освобождение⁴⁸, а на росте национального самосознания немцев, их любви к родине, которая в его трактовке приобрела явно шовинистическую окраску. Лаубе ратует за единую Германию, включая в нее и Австрию, — но хочет добиться этого не революционным путем — он старый враг радикалов, демократов, республиканцев — а с помощью умеренных реформ. Единственной возможной формой правления он считает конституционную монархию. «Монархизм — это глубокий, истинный закон правления. Даже самые плохие монархи не могут ввести в заблуждение»⁴⁹. По мнению Лаубе, вся беда Германии в 1848—1849 годах заключалась в том, что ей пришлось бороться против ультралевых тенденций, с одной стороны, и партикуляристских — с другой, и не нашлось сильного монарха, который возглавил бы эту борьбу⁵⁰. Из этих положений вытекают ошибочные оценки как отдельных событий и людей, так и деятельности парламента в целом. Лаубе, например, восхваляет предсе-

⁴⁴ Briefe, III, 161.

⁴⁵ Собр. соч., т. 10, стр. 239.

⁴⁶ Гейне, Собр. соч., в 12-ти томах 1936 г., т. 12, стр. 153.

⁴⁷ A. Stahr, Zwei Monate in Paris, Oldenburg, 1851, S. 313—314.

⁴⁸ «О свободе, по крайней мере о степени свободы можно спорить», — заявляет он. См. H. Laube, Das erste deutsche Parlament., Bd. III, Leipzig, 1849, S. 464.

⁴⁹ Там же. Bd. II, стр. 314.

⁵⁰ Там же. Bd. III, стр. 465.

дателя франкфуртского собрания фон Гагерна, которого Маркс всегда иронически называл «благородным»⁵¹, подчеркивая этим полное несоответствие его напыщенных фраз и его деятельности. Убийство князя Лихновского, этого ярого прусского юнкера, столь остро высмеянного Г. Веертом на страницах «Новой Рейнской газеты» в романе-фельетоне «Рыцарь Шнапханский», представляется Лаубе трагическим эпизодом. Он предлагает немецким писателям использовать историю убийства Лихновского, павшего «жертвой политической ненависти»⁵², как материал для создания современной немецкой трагедии⁵³. В итоге Лаубе приходит к выводу: «История должна сказать и скажет: «первый немецкий парламент, несмотря на огромные препятствия и трудности, искал и нашел политическую истину для Германии». И никто никогда не сравнится с ним»⁵⁴.

Г. Лаубе был близким другом Гейне еще до революции 1848 года. Достаточно сказать, что в своем завещании от 27 сентября 1846 года Гейне доверяет ему и Детмольду издание своего собрания сочинений, причем просит Лаубе написать для этого издания его биографию⁵⁵. Эта долготелная дружба омрачилась в 1850 г. после того, как Гейне прочел книгу Лаубе о франкфуртском парламенте. Она произвела на него очень тяжелое впечатление: «От ужаса у меня волосы встали дыбом. Право, есть вещи под луной, которых я не понимаю», — писал он Кампе 28 сентября 1850 г.⁵⁶ Рискаю потерять близкого друга, Гейне все же решился сообщить ему свое мнение, ибо считал это принципиально важным⁵⁷. 12 октября 1850 года он направил Лаубе письмо, в котором изложил свои возражения, объяснил ему, что не мог молчать, так как он «слишком немец»⁵⁸, то есть его беспокоит общественный резонанс, вызванный этой книгой на Родине. Гейне писал Лаубе, что целую неделю был «смертельно болен» из-за этой книги, ибо «Лаубе совершил преступление против духа святого», а «этот род провинностей не находит прощения»⁵⁹. Гейне возмущен тем, что Лаубе отрекся от своего революционного прошлого, что он стал воспевать Гагерна и ему подобных, то есть сторонников реакции, фразеров, шовинистов. Получив это письмо, Лаубе обвинил Гейне в пустой революционности, которая потерпела, по его мнению, полное поражение, и посоветовал ему оставить дела отечества в покое⁶⁰. Тогда Гейне понял, что споры между ними ни к чему не приведут, что их пути разошлись. 30 ноября 1850 г. он ответил Лаубе: «О той части (письма — И. В.), которая содержит твое политическое кредо, — ни слова больше, это все равно ни к чему не приведет. Довольно того, что мы теперь знаем на какой почве нам не следует сталкиваться, если мы не хотим стать врагами»⁶¹. И он желает Лаубе испытать «все те филистерские радости, которые куплены столь дорогой ценой»⁶². После этого письма переписка Гейне с Лаубе прекратилась.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-ое изд., т. 6, стр. 44.

⁵² H. Laube, Das erste deutsche Parlament., Bd. III, Leipzig, 1849, S. 307.

⁵³ Там же, стр. 295—297.

⁵⁴ Там же, стр. 470.

⁵⁵ VII, 513.

⁵⁶ Собр. соч., т. 10, стр. 256.

⁵⁷ См. Письмо к Густаву Гейне от 15 ноября 1850 года (Briefe III, 241).

⁵⁸ Собр. соч., т. 10, стр. 258.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. C. F. Reinhold, H. Heine, Sein Leben in Selbstzeugnissen, Briefen und Berichten, Berlin, 1920, S. 373—374.

⁶¹ Собр. соч., т. 10, стр. 262.

⁶² Там же, стр. 263.

Полемика Гейне с Лаубе лишнее доказательство того, что Гейне и после разочарования в революции 1848 года не только не потерял интереса к политической жизни, но он остался верен своим революционным убеждениям 1840-х годов. Поэтическое подтверждение этому мы находим в таких стихотворениях «Романсеро» как «В октябре 1849», „Enfant perdu“ и многих других. Если же Фихте, посетив Гейне осенью 1851 года писал: «О политическом положении... Гейне не любил говорить, во время болезни события дня его больше не интересовали, ему было безразлично, кто у власти»⁶³, то это лишь показатель разочарования Гейне в современной политике, но отнюдь не в революционных устремлениях. Тот же Фихте в другом месте приводит слова Гейне, что «он всегда оставался верен себе»⁶⁴, что изменились лишь некоторые его суждения о людях и обстоятельствах.

До конца жизни Гейне волновали вопросы, связанные с дальнейшей судьбой его родины, Франции и всего человечества. В стихотворении «1649—1793...??», он, принимая английскую и французскую буржуазную революцию и указывая годы наивысшего подъема этих революций, спрашивает, — когда же, наконец, проснется Германия от вековой спячки, когда же в ней по-настоящему грянет революция. «Но мог ли человек пройти искусом 1848 и 1849 годов и остаться тем же?» — спрашивал Герцен в «Былое и думах»⁶⁵. Нет, не мог. Произошли изменения и во взглядах Гейне. Но изменилось не его отношение к действительности, к жизни, к революции, а лишь оценка конкретных событий. На глазах поэта прошли фактически три революции: детство поэта протекало под знаком французской буржуазной революции, он был свидетелем революций 1830 и 1848 годов. Однако выдвинутые революциями лозунги о свободе и справедливости не воплотились в действительности. Возвышенные идеалы французской буржуазной революции, в которые верил и за которые боролся Гейне, оказались разбитыми; они превратились в пустые фразы, прикрываясь которыми, буржуазия утверждала свою власть. 13 февраля 1852 г. после государственного переворота во Франции, Гейне писал с горечью и отчаянием: «Прекрасные идеалы политической морали, законности, гражданской добродетели, свободы и равенства, розовые сны на заре восемнадцатого века, за которые так героически шли на смерть наши отцы и которыми мы грезили вслед за ними, мы, готовые, как и они, идти на смертную муку, — все они лежат у наших ног, разгромленные, разбитые, словно фарфоровые черепки, словно подбитая дичь, —...»⁶⁶

Глубокое разочарование Гейне после 1848 г. объясняется также особенностями его взгляда на сущность революции. Несмотря на подчас правильное, даже материалистически окрашенное понимание революции и ее целей, Гейне вкладывал в него социально-утопическое, отчасти гедонистическое содержание. Положение, что революция должна освободить народ, он понимал несколько упрощенно. Полемизируя с республиканцами берневского толка, с ремесленническим коммунизмом, Гейне писал в 1834 году: «Мы боремся не за человеческие права народа, но за божественные права человека. В этом и еще кое-в чем другом мы отличаемся от мужей революции. Мы не хотим быть ни санкюлотами, ни умеренными в своих потребностях мешанами, ни дешевыми президентами: мы устанавливаем демократию равно чудесных, равно святых, равно блаженных богов. Вы требуете простых

⁶³ Gespräche, 890.

⁶⁴ Там же, 889.

⁶⁵ Герцен, Собр. соч., т. XIII, ч. 5, Пб., 1919, стр. 375.

⁶⁶ «Письмо к Г. Кольбу», Собр. соч., т. 10, стр. 311—312.

одежд, воздержания в правах, неприправленных наслаждений; мы, напротив, требуем нектара и амброзии, пурпурных одежд, драгоценных благоуханий, неги и роскоши, смеющейся пляски нимф, музыки и веселых комедий»⁶⁷. Те же самые слова Гейне повторяет как программу действия в 1844 году в «Письмах о Германии»⁶⁸. Та же мысль выражена и в I главе «Германии. Зимней сказки»:

«Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем»⁶⁹.

Во всех этих высказываниях Гейне исходит из сен-симонистского утверждения, что назначение человека на земле — быть счастливым. Политическая революция должна быть средством прогресса, должна способствовать превращению человека в земного бога (Теофилантропия). Однако революция 1848 года заставила Гейне окончательно разочароваться в сенсимонизме и во многих бывших своих единомышленниках, превратившихся либо в крупных предпринимателей как Шевалье, либо в обывателей, часто с реакционным душком как некоторые члены «Молодой Германии»⁷⁰. После 1848 г. Гейне полностью осознал, что будущее принадлежит пролетариату; но ему казалось, что пролетариат создаст не «мир равноправных богов», а мир сытых, материально обеспеченных людей, которым чуждо будет столь дорогое сердцу поэта искусство, поэзия, не имеющая утилитарной ценности. Гейне очутился в тупике. Он знал, что единственный выход — это принятие пролетарской революционности, но все же не мог этого сделать, ибо не понимал ее до конца.

Мысли и переживания Гейне после 1848 г., были характерны для большинства представителей передовой буржуазной интеллигенции, традициями еще тесно связанной с прошлым, но уже понимавшей, что на историческую арену выступили новые силы. В этой связи нельзя не вспомнить слова Герцена из книги «С того берега» (1849 г.): «Прощай отходящий мир, прощай Европа! А мы что сделаем из себя?.. Последние звенья, связующие два мира, не принадлежащие ни к тому, ни к другому»⁷¹. С Гейне в какой-то мере произошло то, о чем писал Герцен: «Разве наши добродетели и наши пороки, наши страсти и, главное, наши привычки не принадлежат этому миру, с которым мы развелись только в убеждениях?»⁷²

Позицию Гейне после 1848 г. хорошо объясняют известные слова Ленина по поводу скептицизма и отчаяния Герцена: «Духовная драма Герцена была отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»⁷³. Гейне сам сознавал, что он всегда и всюду приходил слишком рано⁷⁴.

В рационалистическом признании, вместе с тем — непонимании и внутреннем, эмоциональном неприятии пролетарской революционности была трагедия Гейне после 1848 года. Именно это обусловило те противоречия, из которых поэт не находил выхода: этим объяснялось

⁶⁷ «К истории религии и философии в Германии», Собр. соч., т. 6, стр. 72—73.

⁶⁸ VI, 535—536.

⁶⁹ Собр. соч., т. 2, стр. 269.

⁷⁰ См. Письмо Фарнгагена к Гейне от 2 августа 1850 года, Briefe, VI, 102; см. так же письмо Гейне к Г. Лаубе от 30 ноября 1850 г. Briefe, III, 245.

⁷¹ Герцен, Собр. соч., т. 5, Пб. 1919 г., стр. 490.

⁷² Там же.

⁷³ Ленин, Соч., изд. 4-ое, т. 18, стр. 10.

⁷⁴ Собр. соч., т. 10, стр. 247.

то мрачное, подчас пессимистическое настроение, то отчаяние, которое охватило поэта в последний период его жизни. Неприятие пролетарской революционности после полного краха буржуазной привела поэта к идейному и духовному кризису.

* * *

Наиболее ярко этот кризис отразился на изменившемся отношении Гейне к проблеме религии. В этом вопросе, как может показаться на первый взгляд, действительно произошли серьезные изменения. После 1848 года Гейне неоднократно заявлял в своих статьях, письмах и разговорах, что он вернулся к «личному богу», отказался от своих прежних пантеистических и атеистических воззрений.

Вопрос об «обращении» Гейне на протяжении свыше ста лет обсуждается зарубежными исследователями. Современниками Гейне «обращение» «великого язычника № 2»⁷⁵, как любил называть себя поэт, было воспринято как сенсация. Однако новости этой мало кто поверил. В 1851 году, после выхода в свет «Романсеро», критики почти единодушно утверждали, что «ничего не изменилось в этом плуте-безбожнике»⁷⁶, что его неверие стоит того же, что и его вера»⁷⁷. Репутация Гейне-безбожника была так крепка, что многократные заявления поэта о его «обращении» не могли поколебать ее. Курьезным, но красноречивым тому доказательством является книга «Генрих Гейне бессмертный»⁷⁸. Это отчет о спиритистических сеансах, во время которых появился «дух» недавно скончавшегося поэта. В своих ответах медиуму он якобы «утверждал», что умер атеистом и потому очутился в аду.

Непосредственная реакция современников на «обращение» Гейне оказалась правильной. Но за то в гейневедении возобладала другая точка зрения. Уже к концу 1860-ых годов, с легкой руки первого крупного и заслуженного биографа Гейне А. Штротдмана, который хотел оправдать поэта в глазах «добропорядочного» бюргера, распространилась версия о том, что «Гейне издавна был религиозной натурой»⁷⁹, что его всю жизнь волновали религиозные вопросы, что он всегда «искал решения религиозных проблем»⁸⁰. Штротдман пошел ошибочным путем, за словами он не увидел сущности. Гейне действительно много писал по вопросам религии, но решал при этом не касавшиеся богоискательства проблемы, а вопросы, связанные с земным счастьем человека. Его пристальное внимание к религиозным проблемам объясняется тем, что он с самого начала своей творческой деятельности вступил в борьбу с церковью, фанатизмом духовенства всех родов и видов.

В конце XIX и начале XX века немецкие гейневеды по вопросу «обращения» поэта разбились на две группы. Реакционные и националистически настроенные критики, стремясь очернить Гейне в глазах немецкого обывателя, доказывали, что он был и остался безбожником. Убедить в этом читателя было чрезвычайно легко. На такой позиции стояли Г. Трейчке, А. Бартельс, Х. Рой и др. Напротив, либеральные

⁷⁵ VII, 537.

⁷⁶ Из статьи анонимного рецензента на «Романсеро» в „Еуропа“, № 93. 22 November 1851.

⁷⁷ Из статьи Р. Прутта в „Deutsches Museum“, Erster Jahrg., Leipzig, October—Dezember, 1851, S. 789; см. также статью Ю. Шмидта и Г. Фрейтага в „Grenzboten“. 13 Jahrg. II Sem. Bd. 4, 1854, S. 67—71, М. Вальдау в „Blätter für literarische Unterhaltung“, Nr. 127, 15 November 1851 и др.

⁷⁸ Heinrich Heine der Unsterbliche. Eine Mahnung aus dem Jenseits. Nur Tatsächliches, keine Dichtung. Von dem Rendenten D. Hornung, Stuttgart, 1857.

⁷⁹ A. Strödtmann, H. Heines Leben und Werke, Bd. 2, Berlin, 1869, стр. 547. См. также Н. Lichtenberger, Heinrich Heine als Denker, Dresden, 1905, S. 54.

⁸⁰ Там же.

критики, такие как Г. Карпелес, Э. Эльстер, А. Калишер, М. Вольф, стараясь обелить Гейне в глазах того же обывателя, доказывали религиозность поэта, что было значительно труднее.

Современные зарубежные исследователи, всё еще продолжая решать проблему религиозных воззрений поэта, очень склонны серьезно отнестись к его «обращению». Так Ф. Хирт, отличный знаток Гейне и издатель его писем, утверждает, что жизнь поэта закончилась «гармоническим аккордом», что он покидал мир «примирившись с богом»⁸¹. Таково же и мнение М. Вольфа, Л. Унтермейера, М. Брода, А. Валлентин, К. Лермана и многих других. Современные реакционные критики⁸² стараются использовать «обращение» Гейне в частности и для того, чтобы создать образ поэта — пророка против коммунизма XX в., так как вера Гейне в «личного бога», по их мнению, лишний раз доказывает, что Гейне отказался от революционных позиций 1830—1840-ых годов. Поэтому нельзя ограничиться простым утверждением советских гейневедов⁸³ и историков литературы ГДР⁸⁴ о том, что поэт не принял никакой позитивной религии, что его обращение не было сколько-нибудь серьезным, а следует глубже и всестороннее рассмотреть этот вопрос.

Процесс «обращения» Гейне начался после разочарования в революции 1848 г., и в этом процессе наблюдается известная закономерность; религиозные раздумья Гейне усиливаются в период спада революционного движения.

В первой половине 1848 года Гейне трактовал проблему «бога» еще иронически: 22 марта 1848 года он насмешливо говорил Ф. Левальд, что языческие боги никогда не причинили бы ему столько зла, сколько причинил старик Йегова. «Сейчас, вынужденный постоянно думать о своей смерти, я часто по ночам серьезно беседую с Йеговой, и он сказал мне: «Вы можете быть всем, кем угодно, милый доктор, республиканцем и социалистом, но только не атеистом»⁸⁵. Это высказывание знаменует уже некоторый перелом в мышлении Гейне, но никак еще не свидетельствует об изменении его взглядов на религию, тем более, что в написанном 10-го июня 1848 г. завещании поэта еще нет ни слова о его «обращении»; Гейне, напротив, продолжает называть себя язычником и убедительно просит похоронить его без каких-либо религиозных обрядов⁸⁶.

Осенью 1848 г. Гейне начинает чаще упоминать о своих религиозных настроениях. В письме к К. Жобер от 19 сентября 1848 года он вскользь замечает: «...Внезапно стали возникать религиозные мысли...»⁸⁷ В письме к брату Максимилиану от 3 декабря 1848 года, жалуясь на свои тяжелые страдания, он пишет, что ночью обращается с молитвами «...к богу или просит сиделку помолиться за него»⁸⁸.

⁸¹ F. Hirth, *Einleitung, Briefe, I, XLIX, XLVI*. Чтобы опровергнуть это утверждение Хирта, достаточно вспомнить последнее стихотворение Гейне «Я видел сон» („Es träumte mir“, II, 45—49), полное кричащих противоречий.

⁸² К. Лерман, Ф. Зибург и др.

⁸³ А. Дейч, Генрих Гейне, 1933, А. С. Дмитриев, Генрих Гейне, М., 1957, и др. Специальных работ, посвященных последнему периоду в творчестве Гейне в советском литературоведении нет.

⁸⁴ W. Victor, *Ein Lesebuch für unsere Zeit*, Weimar, 1954; W. Vontin, *Heinrich Heine, Lebensbild des Dichters und Kämpfers*, Berlin, 1949; W. Ilberg, *Unser Heine*, Berlin, 1952; St. Hermlin, *Über Heine, Sinn und Form*, 1956, H. I; E. Vermeil, *Heine als Politiker, Sinn und Form*, 1956, H. I.

⁸⁵ F. Lewald, *Erinnerungen aus dem Jahre 1848*, Bd. I, 1850, S. 210.

⁸⁶ VII, 515.

⁸⁷ Собр. соч., т. 10, стр. 234.

⁸⁸ Briefe, III, 175.

Пристальное изучение писем и высказываний Гейне этого времени показывает, что изменения в его воззрениях произошли лишь в конце 1848 г. или в начале 1849 года, когда исход революции был уже ясен. 17 января 1849 г. Гейне впервые сообщил своему другу, французскому историку Ф. Минье, что в нем «произошел великий религиозный переворот: «Рискуя быть обвиненным в ханжестве, я все-таки не скрою от Вас величайшего события в моей душевной жизни: я дезертирую от атеизма и близок к тому, чтобы вернуться в лоно самой банальной веры. Я начинаю замечать, что малая толика господ бога не вредит горемыке, в особенности если он семь месяцев лежит на спине, и его грезают самые жестокие мучения. Я еще не совсем верю в небо, но уже предчувствую ад по тем прижиганиям позвоночного столба, которые мне делали»⁸⁹. Несмотря на большую долю иронии, в этом письме уже звучит серьезное признание обращения к богу.

Посетители Гейне в январе и феврале 1849 г. тоже начинали упрекать на изменившееся отношение Гейне к проблеме бога, приводят многочисленные его высказывания по этому вопросу⁹⁰.

Открыто Гейне впервые заявил о своих новых воззрениях 15 апреля 1849 года. В аугсбургской «Всеобщей газете», в официальном сообщении о том, что Карл Гейне регулярно выплачивает ему пенсию и не заслуживает никаких упреков, он, между прочим, говорит, что тяжелая болезнь привела его к отказу от эллинизма. «Я хочу откровенно признаться, что тем временем во мне произошла большая перемена: я больше не божественное двуногое существо; я больше не самый свободный немец после Гёте... Я больше не жизнерадостный, дородный эллин, который смеется над мрачными назарянами — я теперь лишь бедный смертельно больной еврей, истощенный образ отчаяния, несчастный человек»⁹¹. Это заявление, подкрепленное рассказами посетителей послужило основой для обсуждения в немецкой печати того времени вопроса об «обращении» Гейне. Любят на него ссылаться и зарубежные гейневеды. Но по сути дела здесь еще нет полного отказа от атеизма, а лишь отказ от жизнерадостного эллинизма 1830—1840-ых годов, для которого в новой ситуации уже нет основания. Заявление Гейне свидетельствует лишь о нарастающем разочаровании поэта. Недаром он заканчивает его трагическим восклицанием: «Сердцам, которые на родине истекают кровью — привет и слезы!»⁹² Не подлежит сомнению, что Гейне в это время переживал тяжелый мировоззренческий кризис.

Связь охватившего Гейне отчаяния с его религиозными исканиями подтверждается и беседой поэта с Л. Калишем 20 января 1850 года, когда Гейне сказал: «Мои бывшие друзья гегельянцы оказались негодяями. Страдания людей слишком велики. Надо верить»⁹³. Очень показательным, что Гейне связывает необходимость веры с июньскими боями 1848 г., сущности и значение которых он, как уже указывалось ранее, не понял. «В то время, — говорил он, — пока я судорожно ворочался в постели, на улице шли ужасающие бои. Гром пушек разрывал мое ухо. Я слышал крик умирающих, я видел смерть со своей беспощадной косою косящей парижскую молодежь. В такие страшные минуты одного пантеизма не хватает; тогда надо верить в личного бога,

⁸⁹ Собр. соч., т. 10, стр. 240.

⁹⁰ А. Мейснер, Ф. Гамберг, Ф. Мейер, Л. Калиш, А. Штар, Ф. Левальд, И. Х. Фихте и др. См. *Gespräche*, 661, 685—687, 704, 723—724, 752, 758, 770—772, 810—811, 832, 892—897 f. f.

⁹¹ VII, 537—538.

⁹² VII, 538.

⁹³ *Gespräche*, 723.

в загробное существование»⁹⁴. Можно сомневаться в точной формулировке слов Гейне, приводимых Калишем, но смысл их очевиден и подтверждается если не всегда прямо, то косвенно подлинными словами поэта.

Впервые Гейне публично признался, что ушел от атеизма и начал верить в «личного бога» 30 сентября 1851 года в знаменитом послесловии к «Романсеро». Он писал: «В теологии... мне приходится каяться в регрессе, причем возвратился я, как уже заявлено выше, к старому суеверию, к личному богу. Этого никак нельзя затушевать, что пытались сделать иные просвещенные и доброжелательные друзья»⁹⁵. Далее он настойчиво повторяет ту же мысль в завещании от 13 ноября 1851 г., в предисловии ко второму изданию «К истории религии и философии в Германии» в 1852 г., в «Признаниях» 1854 года и в письмах. Нельзя сомневаться в том, что для Гейне это был живо трепещущий вопрос, которому он уделял много времени и внимания. Так, например, после 1849 года наблюдается повышенный интерес писателя к теологической литературе. Он сам и его посетители неоднократно указывали, что излюбленной книгой поэта в последние годы стала библия. Карл Хилебрандт, который был секретарем Гейне с осени 1849 года по лето 1850. года и которому в данном случае есть все основания доверять, сообщает, что читал больному поэту «большую часть теологические труды или, по крайней мере, труды по истории церкви». Он называет Шпитлера, Толука, Шпальдинга, и библию⁹⁶. 28 января 1852 г. Гейне просил Кампе прислать ему книгу К. Ф. Морнца⁹⁷, а 28 мая он упоминает книгу А. Франка⁹⁸.

О серьезно изменившемся отношении Гейне к «проблеме бога» свидетельствует и такой факт: после 1848 года поэт никогда не отрекался от своих политических выступлений предыдущих лет, он сознательно и охотно переиздавал свои политические стихи и прозу 1830—40-х годов⁹⁹, но он часто говорил и писал, что отказывается от своих атеистических и пантеистических суждений, тщательно сжигает все, что еще не издано, но отражает эти устаревшие для него взгляды¹⁰⁰. В письмах Гейне 1849—1851 годов постоянно встречаются религиозные обороты, чего не было раньше¹⁰¹.

Все это не оставляет сомнений в том, что во взглядах Гейне по вопросам веры произошел поворот, который он сам определил как отказ от атеизма и возвращение к «личному богу». Трудно согласиться с Р. М. Мейером, который пытается утверждать, что «обращение к вере

⁹⁴ Gespräche, 724.

⁹⁵ Собр. соч., т. 3, стр. 163.

⁹⁶ Gespräche, 711.

⁹⁷ К. Р. Н. Moritz, Ansichten zu einer experimentalen Seelenlehre, An Herrn Direktor Gedicke, Berlin, 1882, см. Briefe, III, 353.

⁹⁸ O. Franck, Die Kabbale oder die Religionsphilosophie der Hebräer, 1844. см. Briefe, III, 471.

⁹⁹ Переиздавая в 1853 году «Новые стихотворения» Гейне хотел включить в сборник «Германию. Зимнюю сказку», и лишь по настоянию Кампе отказался от этой мысли. См. Письма к Кампе от 5 октября 1853 г. (Briefe, III 481), от 27 октября 1853 (там же, стр. 483—484). В 1854 г. Гейне издает свои корреспонденции в «Аугсбургскую Всеобщую газету» 1840—1843 гг., не внося никаких существенных изменений в текст и полностью сознавая их политическую значимость. (См. письмо к Кампе от 18 июля 1854 г. (Briefe, III, 534).)

¹⁰⁰ См. «Предисловие к «Романсеро» (I, 485), «Предисловие ко второму изданию. «К истории религии и философии в Германии» 1852 (VI, 155—156); Письмо к Кампе от 1 июня 1850 г (Briefe, III, 216), Сообщение Густава Гейне от 17—27 августа 1851 г. (Gespräche, 869).

¹⁰¹ «Да хранит тебя бог» (Briefe, III, 171), «да сохранил тебя небо» (Briefe, III, 162), «бог пусть даст тебе» (Briefe, III, 214), «Рука господа бога тяжело довлеет надо мной, да совершится святая воля его (Briefe, III, 199) и т. д.

в бога, также, как и изображение себя «политическим борцом» были игрой творческой фантазии поэта¹⁰². У нас нет никаких оснований не доверять в данном случае искренности Гейне, хотя мы увидим, что искренними оказались его искания, но отнюдь не результаты этих исканий, возникновение веры в «личного бога».

Разочаровавшись в современной ему политической борьбе, в политических партиях и философских системах, не будучи в состоянии до конца понять и принять перспективу суверенитета народа, тяжело больной Гейне, остро ощущавший бессилие человека, обратился к господу богу. Г. Лихтенберже в своей во многом интересной работе о Гейне-мыслителе, правильно указывает на то, что «обращение поэта исходит не столько из возрождения веры и религиозных надежд, сколько из всё более нарастающего пессимистического мироощущения»¹⁰³. Однако необходимо отметить, что в анализе причин «обращения» Гейне Лихтенберже делает упор на его болезнь и ошибочно утверждает, что рост пессимизма определил политические воззрения поэта, иными словами поворачивает этот процесс вверх ногами¹⁰⁴. Чрезвычайно важную связь между интересом Гейне к религиозным проблемам и его разочарованием в революции 1848—1849 годов правильно улавливает, но недостаточно акцентирует современный немецкий историк литературы В. Харих (ГДР)¹⁰⁵.

Обращение к «личному богу» не означало со стороны Гейне признания властвующей над людьми и требующей поклонения мистической силы. Он просто искал в вере опору для осуществления своей мечты о всеобщем счастье на земле. Только этим, например, можно объяснить повышенный интерес писателя к теологическим трактатам мистика Толука¹⁰⁶ и деиста-просветителя Шпальдинга¹⁰⁷, которые наряду с чисто религиозными проблемами ставили вопрос о назначении и смысле человеческой жизни.

Однако Гейне не находил в подобных теологических трактатах ответа на постоянно мучивший его вопрос: «Почему правый должен столько страдать на земле?»¹⁰⁸ И как бы отвечая на прочитанные им теологические книги, он пишет стихотворение:

«Брось свои иносказания
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!
Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, плачется правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?
Кто виной? Иль воле бога
На Земле не все доступно?
Или он играет нами? —
Это подло и преступно!
Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забудут нам рта землю...
Да ответ ли это, полно?»¹⁰⁹

¹⁰² R. M. Meyer, Die deutsche Literatur des 19 Jh., 2 Aufl. Berlin, 1900, S. 132.

¹⁰³ H. Lichtenberger, Heinrich Heine als Denker, Dresden, 1905, S. 251, 274.

¹⁰⁴ Там же, S. 247, 251.

¹⁰⁵ W. Harich, H. Heine und die deutsche Philosophie, Sinn und Form, 1956, H. I, S. 47.

¹⁰⁶ Tholuck, Die Lehre von der Sünde und vom Versöhner oder die wahre Weisheit des Zweiflers.

¹⁰⁷ J. J. Spalding, Religion, eine Angelegenheit des Menschen, 4 Aufl., Berlin, 1806, и др.

¹⁰⁸ Письмо к Г. Кольбу от 19 октября 1848 года. Briefe, III, 162. Тот же вопрос повторяется в «Романсеро», «Людвиге Маркусе» и др.

¹⁰⁹ Собр. соч., т. 3, стр. 180—181.

Это стихотворение настолько показательно, что его необходимо было процитировать полностью. Оно ясно показывает, что обращение Гейне к богу связано с его разочарованием в возможности осуществления «справедливости на земле. Гейне не удовлетворяют отвлеченные мистические религиозные иносказания («Брось свои иносказания»)»¹¹⁰. Он — враг абстракций и требует конкретного решения встающих перед ним вопросов. «Может быть бог не всемогущ?» — спрашивает поэт в третьей строфе. Но ответа нет. В стихотворении имеется та же мрачная саркастическая концовка, как и в стихотворении «Вопросы» („Fragen“)»¹¹¹ из цикла «Северное море», где ставятся сходные проблемы, но теперь они решаются в более трагическом плане. В «Вопросах» ждет ответа юноша, жизнь которого еще впереди, а здесь, умудренный опытом поэт, лежащий на смертном одре, знает, что единственным ответом будет смерть.

В беседе с А. Мейснером, которая состоялась в августе 1854 года, Гейне назвал стихотворение «Брось свои иносказания» «богохульно-религиозным»¹¹². Эти слова очень верно определяют и его отношение к «личному богу». Гейне искал, искренне хотел найти опору в вере, но не находил ее и по-существу всё время богохульствовал. Поэт ясно сознавал, что его «обращение» — самообман, иллюзия, что это лишь выражение внутренней слабости, вот почему он называет свое возвращение к богу «регрессом»¹¹³; вот почему рассуждениям писателя на религиозные темы постоянно сопутствует ирония. Трудно найти высказывания по вопросам веры, где не ощущалось бы большая или меньшая доля насмешки: иронически звучит постоянное сопоставление религии с болезнью 21-го января 1849 г., в беседе с А. Мейснером, Гейне раскрыл ему «великую истину»: «Где кончается здоровье, где кончаются деньги, где кончается здравый человеческий рассудок, там всюду начинается христианство»¹¹⁴. В беседе с А. Штаром и Ф. Левальд в октябре 1850 года поэт заявил: «Для здорового человека христианство со своей резигнацией и своей потусторонностью непригодно. Но для больного уверяю Вас, это вполне хорошая религия»¹¹⁵. Нельзя не отметить еще беседы Гейне с А. Мейснером летом 1850 года: «Если бы я мог выйти хотя бы на костылях!» — вздохнул он (Гейне — И. В.). «Знаете ли Вы, куда бы я пошел? — «Нет», — ответил я (т. е. Мейснер — И. В.). «Прямо в церковь!» «Вы шутите» — недоверчиво сказал я. «Но куда же еще можно пойти на костылях? Конечно, если бы я мог пойти без костылей, я бы гулял по смеющимся бульварам и пошел бы в Баль Мабиль!»¹¹⁶

Во всех этих высказываниях, число которых можно значительно умножить, не следует смешивать двух вещей. Болезнь Гейне не была причиной его «обращения», как часто утверждают зарубежные критики. Болезнь, как уже говорилось выше, лишь усугубила отчаяние поэта, которое в свою очередь привело к религиозным раздумьям. 1 июня 1850 г. Гейне писал Кампе: «Религиозный переворот, который произошел во мне, носит рассудочный характер, — его осуществил мой разум, а не блаженная чувствительность, и постель больного здесь, в сущно-

¹¹⁰ В оригинале „Lass die heiligen Parabeln“, II, 91. Известно, что парабола особенно распространены в теологической литературе.

¹¹¹ «И дурак ждет, когда же ему ответят», Собр. соч., т. I, стр. 175.

¹¹² Gespräche, 970.

¹¹³ См. «Послесловие к «Романсеро», Собр. соч., т. III, стр. 163.

¹¹⁴ Gespräche, 685—86.

¹¹⁵ Gespräche, 801.

¹¹⁶ Gespräche, 752. См. также, Briefe, III, 160; 165—166; 180; 198; 215; 320 и др.

сти, ни при чем. В этом я твердо убежден»¹¹⁷. Постоянное сближение религиозных раздумий с болезнью доказывает, что Гейне сознавал иллюзорность своей веры, видел в ней свою слабость и по- существу мало надеялся на нее. Но он не в силах был отменить идею личного бога, так же, как не мог отказаться от опиума для облегчения своих физических страданий. По- существу Гейне сам ставил в один ряд опиум и религию: когда он в середине октября 1850 г. послал своему бывшему секретарю Хилебрандту денежную помощь, то заметил, что «болезнь его, к сожалению, не отступает, и он вынужден довольствоваться опиумом и религией»¹¹⁸. Своему брату Максу он сообщал 3 мая 1849 года, «... что небо существует — совершенно очевидно с тех пор, как я в нем нуждаюсь при моих земных страданиях»¹¹⁹. После 1848 года Гейне сам очутился в том положении, о котором он писал в книге «Людвиг Берне»: «Для людей, которым земля ничего уже не могла дать, придумали небо... Хвала этому изобретению! Хвала религии, которая в горький кубок страждущего человечества влила несколько сладких усыпительных капель — опиум духа, несколько капель надежды, любви и веры!»¹²⁰ Однако Гейне не нашел в своем обращении к «личному богу» ни надежды, ни утешения. 14 ноября 1854 года он писал Кампе: «Мне не хватает смелости богохульствовать, а — то бы я зло высказался по поводу коварства бога»¹²¹, а в ноябре 1855 года он жаловался Мушке: «Я почти обезумел от досады, боли и нетерпенья. Я подаю жалобу на господу бога за то, что он так жестоко поступает со мной»¹²².

Когда вопрос о вере ставился в серьезном плане, то Гейне по- существу часто отрекался от нее, открыто признавал, что не так уже привержен «своим» новым принципам, что решительная перемена в его душевном состоянии «не наступила»¹²³. 1 июня 1850 г. он откровенно писал Кампе: «Не пугайтесь слов «отдам богу душу», — это не ханжество, я не хочу этим сказать, что стремлюсь променять земное на небесное. Как ни приблизился я к богу, небо от меня все еще довольно-таки далеко»¹²⁴. А в письме к Веерту от 5 ноября 1851 года он сообщал: «... Я умираю как поэт, который не нуждается ни в религии, ни в философии и у которого нет с ними ничего общего»¹²⁵. Таким образом искания идейной и моральной поддержки в религии не привели к ощутимым результатам. Гейне прекрасно понимал, что его вера — это самообман.

В высказываниях Гейне о причинах его «обращения» наряду с разочарованием и охватившим его отчаянием наличествует еще один очень важный мотив — это всё возрастающая неприязнь поэта к атеизму. 21 апреля 1851 года Гейне писал Г. Кольбу: «Основное в том, что я с давних пор испытывал сильное отвращение к немецкому атеизму»¹²⁶. Эта мысль неоднократно повторяется в беседах поэта¹²⁷ и в его произведениях. В «Признаниях» (1854) Гейне с презрением говорит о «фанатических монахах атеизма»¹²⁸, о том, что его душу охватило «отвраще-

¹¹⁷ Собр. соч., т. 10, стр. 253.

¹¹⁸ Briefe, VI, 318; См. также Gespräche, 771.

¹¹⁹ Briefe, III, 180.

¹²⁰ Собр. соч., т. 7, стр. 100.

¹²¹ Briefe, III, 582.

¹²² Briefe, III, 649.

¹²³ Собр. соч., т. 10, стр. 246.

¹²⁴ Там же, стр. 253.

¹²⁵ Там же, стр. 298.

¹²⁶ Собр. соч., т. 10, стр. 278. См. также письмо к Г. Лассалю от 30 апреля 1850 г., Briefe, III, 211 и др.

¹²⁷ Gespräche, 868, 869.

¹²⁸ Собр. соч., т. 9, стр. 108.

ние к атеизму»¹²⁹. К «оголтелым атеистам» Гейне причислял Маркса, Фейербаха, Даумера, Бруно, Бауэра, Хангстенберга и др.¹³⁰ Самое перечисление имен красноречиво свидетельствует о том, насколько плохо Гейне понимал разницу между идеалистом младогегельянцем Бауэром, метафизиком-материалистом Фейербахом и диалектическим материалистом Марксом, которых он поместил под одной рубрикой атеизма¹³¹. В известной мере это обуславливалось тем, что атеизм для Гейне после революции 1848 года, как и прежде, был не только религиозной, но и политической категорией. Он в определенной степени отождествлял атеистов с коммунистами. В «Признаниях» он писал: «...Я увидел, что атеизм вступил в более или менее тайный союз с жутко оголенным, лишенным всякого фигового листка, грубым коммунизмом»¹³². В 1855 году в «Предисловии к неизвестному лапландскому стихотворению» он повторил ту же мысль»¹³³.

Как уже указывалось, противоречивое отношение Гейне к коммунизму ощущалось уже в начале 1840-ых годов¹³⁴, а после революции 1848 года противоречия эти еще усугубились. С одной стороны, Гейне видел в коммунистах единственную, способную к действию силу и провозглашал свою солидарность с ними, на том основании, что все люди «имеют право есть»¹³⁵. Он объявлял, что у него с коммунистами один общий враг — националисты. Поэт писал: «Из ненависти к сторонникам национализма я мог бы почти влюбиться в коммунистов. Это, во всяком случае, не лицемеры, у которых на устах вечно религия да христианство; правда, у коммунистов нет религии (не бывает совершенных людей); коммунисты даже безбожники (что, разумеется, великий грех)¹³⁶, но главный догмат, проповедуемый ими — это самый непогрешимый космополитизм, всемирная любовь — любовь ко всем народам, братское равенство всех людей, свободных граждан земного шара»¹³⁷. Эти слова звучат пророчески, они полны исторической прзорливости и пафоса умирающего поэта.

Но, наряду с этим, Гейне дрожал перед «чудовищем»¹³⁸ коммунизма. Общеизвестно, что его опасения по поводу будущей победы пролетариата вытекали из мелкобуржуазной ограниченности, из индивидуалистического страха поэта перед господством народа, который представлялся ему страшной безликой массой, сметающей со своего пути всё, что не представляло собой осязаемой материальной или практической ценности. Страх Гейне перед коммунизмом не имеет ничего общего «...с испугом баловня фортуны, дрожащего за свои капиталы, ни с раздражением состоятельных промышленников»¹³⁹. В «Признаниях» он писал, что его «удручает тайная боязнь художника и ученого», ибо он видел в победе коммунизма «угрозу всей нашей цивилизации»¹⁴⁰. Отсюда с полной очевидностью явствует, что основная причина страха

¹²⁹ Собр. соч., т. 9, стр. 114.

¹³⁰ Предисловие ко второму изданию «К истории религии и философии в Германии», IV, 157.

¹³¹ Непонятно только, как Гейне мог сюда отнести ортодокса, профессора теологии Хангстенберга, ярого защитника христианства.

¹³² Собр. соч., т. 9, стр. 109.

¹³³ VII, 392.

¹³⁴ См. «Лютетция».

¹³⁵ «Предисловие к французскому изданию «Лютетии». Собр. соч., т. 8, стр. 13.

¹³⁶ Реплика Гейне лишний раз свидетельствует об ироническом отношении поэта к религии.

¹³⁷ Собр. соч., т. 8, стр. 13—14.

¹³⁸ Там же, стр. 11.

¹³⁹ Собр. соч., т. 9, стр. 119.

¹⁴⁰ Там же.

Гейне перед коммунизмом — искаженное его понимание, толкование как господство некультурной толпы, как власть грубого утилитаризма. Гейне казалось, что реабилитированная плоть будет покушаться на священную и дорогую сердцу поэта область духа — подобно тому, как прежде, в эпоху средневековья злоеущий дух покушался на права плоти. Очень показательно в этом смысле его письмо к бывшему сенсимионисту М. Шевалье от 18 февраля 1855 года: «Дорогой Мишель, то пристрастие, с которым я требовал равноправия плоти, пропало с тех пор, как я увидел, насколько эта плоть становится агрессивной, как только почувствует себя немного реабилитированной. Она не довольствуется тем, чтобы стоять на равной ноге с духом, нет, она идет от узурпации к узурпации до оскорбления духа»¹⁴¹. Таким образом, полностью сознавая правомерность требований народа и неизбежность победы коммунизма, Гейне всё же не мог принять его полностью. Страх поэта перед коммунизмом был одним из фактов, толкавших его в объятия господа бога.

Подлинный смысл высказываний Гейне по вопросам религии неминуемо приводит к выводу, что по существу никакого религиозного обращения не было: Гейне остался неверующим. В своем отчаянии он искал путь к богу, но ни на минуту не переставал сознавать, что это иллюзия. В этом сила и слабость Гейне периода «матрачной могилы».

Совершенно не изменилось после революции 1848 года отношение Гейне к существующим формам религии. В этом вопросе он продолжал твердо стоять на позициях 1830—1840-ых годов, и полностью отрицал какую бы то ни было положительную веру.

Тем не менее в буржуазном литературоведении до сих пор продолжается спор по вопросу к какому вероисповеданию вернулся Гейне или, по крайней мере, какая положительная религия была ближе его сердцу. Сама постановка подобного рода вопроса неприемлема, так как не существует самого вопроса. Тщательное исследование произведений и писем Гейне периода 1848—1856 годов¹⁴² показывает, что в них не содержится даже намек на симпатии поэта к какой бы то ни было из существующих религий. Когда до Гейне дошли слухи, что в Германии распространилась весть о его «обращении» и стали гадать, к какому вероисповеданию он вернулся, он с возмущением писал матери и сестре: «По поводу глупостей немецких газет относительно моего так называемого обращения, я не желаю высказываться. Здесь то же самое, что и во всех газетных сообщениях, касающихся меня»¹⁴³. «Не верьте, будто я сделался набожным ягнечком»¹⁴⁴, — писал Гейне Кампе. В письмах к Г. Кольбу от 21 апреля 1851 года Гейне подчеркивал, что его религиозность сильно преувеличивают и что он «в отдаленнейшей степени не принадлежит к так называемым святошам»¹⁴⁵. А письмо к Г. Веерту от 5 ноября 1851 года гласит: «Будучи невеждами в области филологии, некоторые господа время от времени воображали, что я сделался святошей. Они понимают только ничтожество, которым они подобны...»¹⁴⁶ В своем завещании от 13 ноября 1851 г., о котором Маркс писал Энгельсу: «Кстати: видел завещание Гейне!

¹⁴¹ Собр. соч., т. 10, стр. 399.

¹⁴² Устные высказывания Гейне следует в данном случае оставить в стороне, так как они могут быть недостаточно точными, не говоря уже о преднамеренном искажении мыслей поэта.

¹⁴³ 21 января 1850 г. Briefe, III, 193.

¹⁴⁴ 1 июня 1850 г., Briefe, III, 217.

¹⁴⁵ Собр. соч., т. 10, стр. 278.

¹⁴⁶ Там же, стр. 298.

Возвращение к «живому богу» и «покаяние перед богом и людьми»¹⁴⁷, если он написал что-либо «безнравственное», Гейне всё же не забыл подчеркнуть, что хотя он по крещению лютеранин, но не желает, чтобы представитель такого бы то ни было духовенства участвовал в его погребении¹⁴⁸. Поэт использовал первую же возможность, чтобы публично объявить о своем неприятии любой положительной религии. В «Послесловии к «Романсеро», где он впервые официально заявил о своей вере в «личного бога» и отказе от атеизма, он писал также: «... Мои религиозные убеждения и взгляды попрежнему свободны от всякой церковности; никаким колокольным звоном я не соблазнился, и ни одна алтарная свеча не ослепила меня. Я никогда не играл в ту или иную символику и не вполне отрекся от моего разума. Я никого не предал, даже своих языческих богов, от которых я, правда, отвернулся, однако, расставшись с ними дружески и любовно»¹⁴⁹. Красноречивое этому доказательство — книга Гейне «Боги в изгнании», которую он издал в 1853 году. Для Гейне до конца жизни гораздо привлекательнее жизнерадостный эллинизм, нежели суровый иудаизм или христианский аскетизм. Это подтверждает и поэзия Гейне последних лет, ничего общего не имеющая с догматикой какой бы то ни было положительной религии. Напротив, она проникнута страстной любовью к земной жизни и мучительной тоской по ней.

Некоторые исследователи склонны необоснованно приписывать Гейне возвращение к иудейству¹⁵⁰. Если Гейне чаще упоминает Иегову, чем Христа, и предпочитает старый завет новому, то вытекает это не из его симпатий к иудейской религии, а из того, что образ сурового, мстительного и карающего Иеговы, очевидно, казался поэту более соответствующим тому жестокому миру и времени, в котором он жил, чем образ всепрощающего Христа.

Глубоко чужд был Гейне и духу аскетического христианства, идеи смирения, устремления в потусторонний мир. Гейне никогда не отрывался от земной жизни, лишь в ней он, как Антей, черпал свою силу. Он не только никогда не собирався прощать своим врагам, но и на смертном одре посылал им свои проклятия. Пародируя идею христианского всепрощения, Гейне написал «Духовную»¹⁵¹, «по-христиански» наделяя своих врагов всевозможнейшими «дарами». В том же духе написано и стихотворение — «Завещание»¹⁵², в котором поэт оставляет в наследство католической церкви всех своих врагов.

С проблемой христианства теснейшим образом связан и вопрос о бессмертии души, о загробном мире. Временами у Гейне словно мелькает желание верить в бессмертие души. Но здравый смысл подсказывает ему, что это безумие. В сентябре 1850 года он говорил в беседе с А. Штаром и Ф. Левальд: «По этому вопросу во мне происходит удивительный спор: вера в личное бессмертие — безумие. Об этом нет ни слова в старом завете. Моисей был слишком здоров для этого. Лишь болезненная секта, из которой вышли Христос и христианство, пришли к аскетизму и через него к бессмертию. Разумом я совершенно уверен в нашей смертности, но чувством я не могу этого постичь»¹⁵³. Правда, Гейне в «Послесловии к «Романсеро» заявил, что верит в бес-

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 142:

¹⁴⁸ VII, 519. См. также стихотворение «Поминки», I, 423 и др.

¹⁴⁹ Собр. соч., т. 3, стр. 163.

¹⁵⁰ М. Вольф, Л. Унтермейер, М. Брод, А. Валлентин и др.

¹⁵¹ Vermächtnis, I, 429.

¹⁵² Testament, II, 220—222.

¹⁵³ Gespräche, 801.

смертие души, а в завещании от 13 ноября 1851 года говорил о своей «бессмертной душе»¹⁵⁴, но в других случаях это опровергается. Когда он в октябре 1850 года прочел письмо Фарнгагена, заканчивавшееся словами: «До свидания, если не здесь, то там!», он воскликнул: «Здесь, если можно...», потому что несмотря на мою веру в бессмертие, я все же испытываю тайный ужас перед бесстрастным блаженством и радостями вечности»¹⁵⁵. «Самое жалкое существование на земле кажется мне гораздо более завидным (*vorzuziehen*), и я предпочитаю его небесным радостям», — говорил поэт в беседе с А. Штаром¹⁵⁶. В разговорах Гейне постоянно подвергает сомнению бессмертие души, но наиболее яркое подтверждение это неверие находит в его поэзии, в стихотворении «Эпилог». Само заглавие подчеркивает его обобщающий, итоговый характер. Стихотворение заканчивается словами:

«Лучше нищим жить, рабом,
Чем уйти из жизни этой,
Править сонмом душ над Летой
И героя слыть примером,
Что воспет самим Гомером»¹⁵⁷.

Этот страстный апофеоз жизни в любых ее проявлениях снимает всякие предположения о вере Гейне в бессмертие души, в загробную жизнь. Поэзия Гейне до конца противостоит поэзии реакционных немецких романтиков, творчество которых пронизано тоской по загробному миру. Путцфельд, автор книги о религиозных воззрениях Гейне, при всем своем желании, может сослаться лишь на два стихотворения, в которых Гейне якобы «доверчиво предавался богу»¹⁵⁸ — это «Как живой пастух, не малый срок»¹⁵⁹ и «Аллилуйя»¹⁶⁰. В этих стихотворениях действительно нет прямых насмешек над богом, однако и в них акцент отнюдь не на религиозных чувствах поэта. Тема стихотворения «Как живой пастух» — забота умирающего поэта о своей жене; он использует библейскую фразеологию как художественный прием, к которому он в разных целях прибегал на протяжении всего своего творчества. Причем обращается он к богу с подчеркнуто земными делами, просит позаботиться о его жене, чтобы она была сыта и довольна.

Стихотворение «Аллилуйя» посвящено не столько прославлению бога, сколько человека и тоже отнюдь не в религиозном плане. Взор поэта устремлен не на небо, солнце, луну и звезды, а на разнообразные проявления земной жизни. Он воспекает человеческое сердце, где согреваются свет и тьма, где есть место овечкам и ослам. Несклько необычно в этом стихотворении лишь патетика и приподнятость стиля, не свойственная Гейне — автору «Книги песен», «Новых стихотворений» и «Романсеро».

Полное отрицание какой бы то ни было положительной религии и ее догматов по-существу сводило на-нет «обращение» Гейне, ибо оно не отразилось на его образе мыслей по другим вопросам, не повлияло на его политические и эстетические принципы, не оставило никаких следов в его поэзии последних лет. Напротив, гораздо сильнее и ярче нежели чисто декларативные заявления о возвращении к «личному богу» звучит острая сатира на религию в стихотворении «Диспут», где

¹⁵⁴ VII, 520.

¹⁵⁵ Gespräche, 832.

¹⁵⁶ Gespräche, 839.

¹⁵⁷ Собр. соч., т. 3, стр. 216.

¹⁵⁸ C. Puetzfeld, H. Heines Verhältnis zur Religion, Berlin, 1912, S. 87.

¹⁵⁹ „Ich war o Lamm...“ II, 85.

¹⁶⁰ „Halliluja“, II, 85.

после длительных споров монаха и равина, стремящихся доказать каждый свое превосходство, делается остро саркастический вывод:

«Но мне кажется, что оба
Портят воздух в равной мере»¹⁶¹.

В 1834 году Гейне писал по поводу перехода философа Шеллинга под конец жизни к католицизму, что это никак не свидетельствует в пользу веры и лишь доказывает, что человек склоняется к католицизму, когда он уже стар и утомлен, когда он уже потерял физические и духовные силы, когда он не может больше ни мыслить, ни наслаждаться. «Так много свободных мыслителей обращалось на смертном одре,— но не гордитесь этим!» — предупреждает поэт. — «Истории этих обращений относятся разве что к патологии и были бы плохим свидетельством в пользу вашего дела. В конце концов они доказывают только, что пока эти свободные мыслители разгуливали под открытым божьим небом и во всей полноте владели своим здравым рассудком и здравыми чувствами, вы никак не могли обратить их»¹⁶².

Это высказывание можно рассматривать как пророчество. В применении к самому поэту оно означает, что несмотря на тяжелейшие разочарования, на невероятные физические страдания, Гейне не потерял своих «духовных сил»¹⁶³. По-существу никакого «обращения» не было, были лишь раздумья по этому вопросу, была искренняя попытка признать «личного бога», увидеть в нем силу, найти в нем опору, но эти попытки не увенчались успехом, они разбивались о разум, о революционные убеждения Гейне — борца за лучшую жизнь.

Прав Франц Меринг, когда в ответ на рассуждения либеральных немецких критиков о религиозности Гейне восклицает: «Довольно! Ханжой Гейне не стал и что бы ни говорили о его деизме, он никогда не вносил никакой мути в изумительную ясность его духа»¹⁶⁴.

Вильнюсский Государственный
Педагогический Институт,
Кафедра литовской
и зарубежной литературы

Вручена
в январе 1962 г.

БИБЛИОГРАФИЯ¹⁶⁵

1. К. Маркс и Ф. Энгельс, Об искусстве, т. 1, 2, М., 1957.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения 2-ое изд., т. 2, 6, 11 и др.
3. В. И. Ленин, Сочинения, 4-ое изд. т. 18.

* * *

1. H. Heine, Sämtliche Werke, 7 Bde., hrsg. von E. Elster, Leipzig — Wien, O. J.
2. H. Heine, Briefe, 6 Bde., hrsg. von F. Hirth, Mainz, 1950—1951.
3. H. Heine, Gespräche mit Heine, 2 Aufl., Potsdam, 1948.
4. Г. Гейне, Собрание сочинений в 10 томах, ГИХЛ 1956—1959.
5. Г. Гейне, Собрание сочинений в 12-ти томах, 1936.

* * *

1. Герцен, Собрание сочинений, т. V, XIII, Пб. 1919.
2. Д. Н. Овсянко-Куликовский, Поэзия Генриха Гейне, СПб., 1909.
3. А. Дейч, Генрих Гейне, М., 1933.
4. А. Дейч, Генрих Гейне поэт, М., 1941.
5. М. Л. Тронская, Творчество Гейне, Л., 1956.
6. А. С. Дмитриев, Генрих Гейне, М., 1957.

¹⁶¹ Собр. соч., т. 3, стр. 153.

¹⁶² «К истории религии и философии в Германии», Собр. соч., т. 6, стр. 132—133.

¹⁶³ Собр. соч., т. 6, стр. 132.

¹⁶⁴ Ф. Меринг, «Литературно-критические статьи, т. II, М.—Л., 1934, стр. 128.

¹⁶⁵ Здесь указаны лишь основные работы, использованные в статье.

* * *

1. Ф. Меринг, Литературно-критические статьи, т. II, М.—Л., 1934.
2. W. Vontin, Heinrich Heine, Lebensbild des Dichters und Kämpfers, Berlin, 1949.
3. W. Ilberg, Unser Heine, Berlin, 1952.
4. W. Victor, Marx und Heine, Berlin, 1953.
5. W. Victor, Ein Lesebuch für unsere Zeit, Weimar, 1954.
6. S. Hermlin, Über Heine, In Sinn und Form 1956, H. 1.
7. E. Vermeil, Heine als Politiker, In: Sinn und Form, 1956, H. 1.

* * *

1. Ad. Strodtmann, Heinrich Heines Leben und Werke, Bd. I, 2, Berlin, 1867—1869.
2. A. Ch. Kalischer, Heinrich Heines Verhältnis zur Religion, Dresden, 1890.
3. G. Karpeles, Heinrich Heine, Aus seinem Leben und aus seiner Zeit, Leipzig, 1899.
4. R. M. Meyer, Die deutsche Literatur des 19 Jh., 2 Aufl., Berlin, 1900.
5. H. Lichtenberger, Henri Heine penseur, Paris, 1905.
6. A. Bartels, Heinrich Heine, Auch ein Denkmal, Dresden—Leipzig, 1906.
7. H. Reu, Heine und die Bibel, Diss, München, 1909.
8. C. Puetzfeld, Heinrich Heines Verhältnis zur Religion, Berlin, 1912.
9. C. F. Reinhold, H. Heine, Sein Leben in Selbstzeugnissen, Briefen und Berichten, Berlin, 1920.
10. M. Wolf, Heinrich Heine, München, 1922.
11. M. Brod, Heinrich Heine, Amsterdam, 1934.
12. L. Untermeyer, Heinrich Heine, Paradox and poet, London, 1938.
13. A. Vallentin, Heinrich Heine, Wien, 1948.
14. F. Hirth, Heinrich Heine und seine französischen Freunde, Mainz, 1949.
15. F. Hirth, H. Heine, Bausteine zu einer Biographie, Mainz, 1950.
16. F. Sieburg, Beschwörung und Mitterlung. Zur Lyrik Heinrich Heines, Stuttgart, Jahressring 1956/57.
17. C. Lehmann, Heinrich Heine, Kämpfer und Dichter, Bern, 1957.

H. HEINĖS PASAULĖŽIŪROS PROBLEMAS PO 1848—1849 m. REVOLIUCIJOS

I. VEISAITE

Reziumė

H. Heinės pasaulėžiūra po 1848—1849 m. revoliucijos mažai tenagrinėta mūsų tarybinio literatūros mokslo. Tuo tarpu reakcingi užsienio kritikai stengiasi ypač iškelti H. Heinės pasaulėžiūrą ir kūrybą po 1848 m., tvirtindami, kad poetas neva atsisakęs savo revoliucinės pasaulėžiūros, kad skelbęs neapykantą komunizmui, kad sugrįžęs prie dievo ir t. t.

Siame straipsnyje iškeliama svarbiausi H. Heinės pasaulėžiūros bruožai po 1848 m. — tai jo požiūris į revoliuciją ir religiją. Remiantis detaliau H. Heinės raštų, jo laiškų bei pasikalbėjimų nagrinėjimu, prieinama išvada, kad rašytojo pasaulėžiūroje po 1848—1849 m. revoliucijos pralaimėjimo įvyko tam tikri neesminiai pakitimai: poetas pasidavė pesimistinėms nuovargioms, nuovargiui, jis atvirai išreiškė savo nusivylimą 1848 m. revoliucijos rezultatais Europoje. Tačiau iš esmės H. Heinės pasaulėžiūra nepasikeitė. Jis nenustojė tikėti, kad tik revoliucijos keliu galima pakeisti visuomeninę santvarką, kad ateitis priklausys komunistams.

Nepakito iš esmės ir H. Heinės požiūris į religiją. Nors jis ieškojo tikėjimo paguodos, skelbė, kad sugrįžo prie „asmeninio dievo“, bet pats puikiai suprato, kad tai iliuzija, pajukė save už dvasinę silpnybę. H. Heinė nepripažino jokios bažnyčios, netikėjo pomirtiniu gyvenimu. Savo prozoje ir poezijoje jis toliau išjuokė religinį fanatizmą. Visa tai rodo, kad jokio „atsivertimo“ paskutiniaisiais H. Heinės gyvenimo metais nebuvo.